

COMMENTS

UNDERWOOD & UNDERWOOD

"If only for a brief hour, the great creative forces of faith, humility, understanding and genuine kindness were released to work their way upon our lives because Miss Tolstoy stood among us - the living embodiment of her father's philosophy."

WOMAN'S CLUB OF
MAMARONECK, N. Y.

- Mrs. Albert E. Tuttle.

"She attracted an audience of twelve hundred persons which filled our auditorium. It was easy to see that she had captivated her audience. The evening's program was most successful from every standpoint."

St. Louis Sunday
Evening Club
- Charles M. Crowe.

ALEXANDRA TOLSTOY

The Youngest Daughter and Secretary to Leo Tolstoy

LECTURE SUBJECTS

What We Foreign-Born Owe To America

Leo Tolstoy's Conception of Russia's Future

Life and Philosophy of Leo Tolstoy

"War and Peace"

Why Does the Russian Soldier Fight?

For twelve years Alexandra Tolstoy worked, in Soviet Russia, trying to serve the people in the spirit of her father's teaching, and it is doubtful if there is anyone better able to take an American audience behind the scenes.

EXCLUSIVE MANAGEMENT **WILLIAM B. FEAKINS, Inc.** 500 Fifth Avenue, New York
621 Alpine Street, Pasadena

Not merely one of Tolstoy's thirteen children, Alexandra, the youngest daughter of the great Russian novelist, dramatist, idealist, became in 1902, her father's permanent stenographer, typist, secretary, nurse in illness and intimate friend and was with him until his death. Although not herself a Tolstoyan in the exact meaning of the word, she shared her father's philosophy, sympathized with his ideas, and her testimony is especially interesting and reliable. Her position as the one who stood nearest to Tolstoy lends weight to what she has to say

Miss Tolstoy has experienced her share of adventures. After the revolution the Bolshevists seized all the possessions of her family but she stayed in the country and started an 80 volume edition of her father's works. Careful to engage in no political activities she was nevertheless accused of counter-revolutionary plotting and was sentenced to three years in a prison camp. She could not be kept in idleness even in prison, and soon organized a school, not for the small group of political prisoners she was directly associated with, but for the 150 unfortunates of all types. Petitions to the government from people on the outside and the success of the educational work in prison, combined to secure her release.

Miss Tolstoy's knowledge, her understanding of children and her executive ability were evidently appreciated because after leaving prison she was furnished with money to maintain three Tolstoy museums and to start a school and kindergartens in her father's estate. The school started modestly with a few pupils but developed into a large enterprise with half a dozen centers and some 600 students.

Miss Tolstoy came to the United States in the summer of 1931. Having learned to speak English during her youth she has a remarkable vocabulary. In March 1933, Yale University Press published her 300 page volume "The Tragedy of Tolstoy". The book was at once hailed by leading critics and during the week of publication the New York Times and New York Herald Tribune book sections devoted their entire front page to extended reviews. Lewis Gannett of the Herald Tribune wrote, "A significant document in the Tolstoy saga - a story akin to the great pre-war Slav fiction," while Alexander Nazaroff, writing in the Times, said, "Its outstanding literary qualities and the personality of its author - all these elements have combined to make it a very interesting work." In 1935 the Yale University Press published her second book "I Worked For the Soviet".

Though the revolution and her prison experiences could hardly have been more unpleasant, those who have met Miss Tolstoy are deeply impressed with her quiet saneness and charity, her powerful spiritual calmness and the very evident absence of any spirit of resentment.

Miss Tolstoy is now making her headquarters at the seventy acre farm near Rockland Lake, N. Y. which was presented to the Tolstoy Foundation, Inc., and of which the Hon. Herbert Hoover is the honorary chairman. The farm is to be the home and cultural center for Russian refugees and persons of Russian birth and descent.

Miss Tolstoy is just completing a biography of her father. for Harper Bros.

"Her irresistible charm, her delightful sense of humor and the fine spirit she expressed, won everyone in the audience. In fact, they all felt we had not had such a program in years".

Elizabeth F. Smith, College Club, Canton, Ohio

These people make up **TF**

TOLSTOY FOUNDATION, INC.

OFFICERS AND EXECUTIVE COMMITTEE

HERBERT HOOVER
Honorary Chairman

ALBERT C. WEDEMEYER
Chairman

ALEXANDRA L. TOLSTOY
President

JOHN C. TRAPHAGEN
Treasurer

ARTHUR BLISS LANE
IGOR SIKORSKY
Vice Chairmen

ETHAN T. COLTON
VADIM S. MAKAROFF
SOPHIE PANIN
BORIS V. SERGIEVSKY
Vice Presidents

CRAWFORD WHEELER
Chairman, Finance Com.

BLAIR TAYLOR
Executive Director

TATIANA SCHAUFUSS
Executive Secretary &
Overseas Director

PAUL B. ANDERSON
ALEXANDER A. PASCHKOFF
CONSTANTIN PERTZOFF

EDWARD N. WEST
HERSCHEL WILLIAMS
ALEXIS R. WIREN

T. K. BAGRATION
Asst. Executive Secretary

ELIZABETH TOMASHEVSKY
Case Supervisor

XENIA A. RODZIANKO
Director of Tolstoy Farm

And a staff of 65 persons in the U.S.A. and overseas

EUROPEAN HEADQUARTERS

Pinzenauerstrasse 15
Munich 27, Germany (13B)

Representatives in Belgium, England, France, Italy,
Sweden and Switzerland

TOLSTOY FARM

Valley Cottage, Rockland County, N. Y.
Telephone — Congers 8-6140

Tolstoy Foundation Branch Committees in California, Illinois,
Michigan, Connecticut, Washington, D. C. Others are being
formed. The Tolstoy Foundation of Canada is in Montreal, Canada.

TOLSTOY FOUNDATION, INC.

300 WEST 58 STREET
NEW YORK 19, N. Y.

Telephone: Circle 7-2922

TF

FREEDOM!

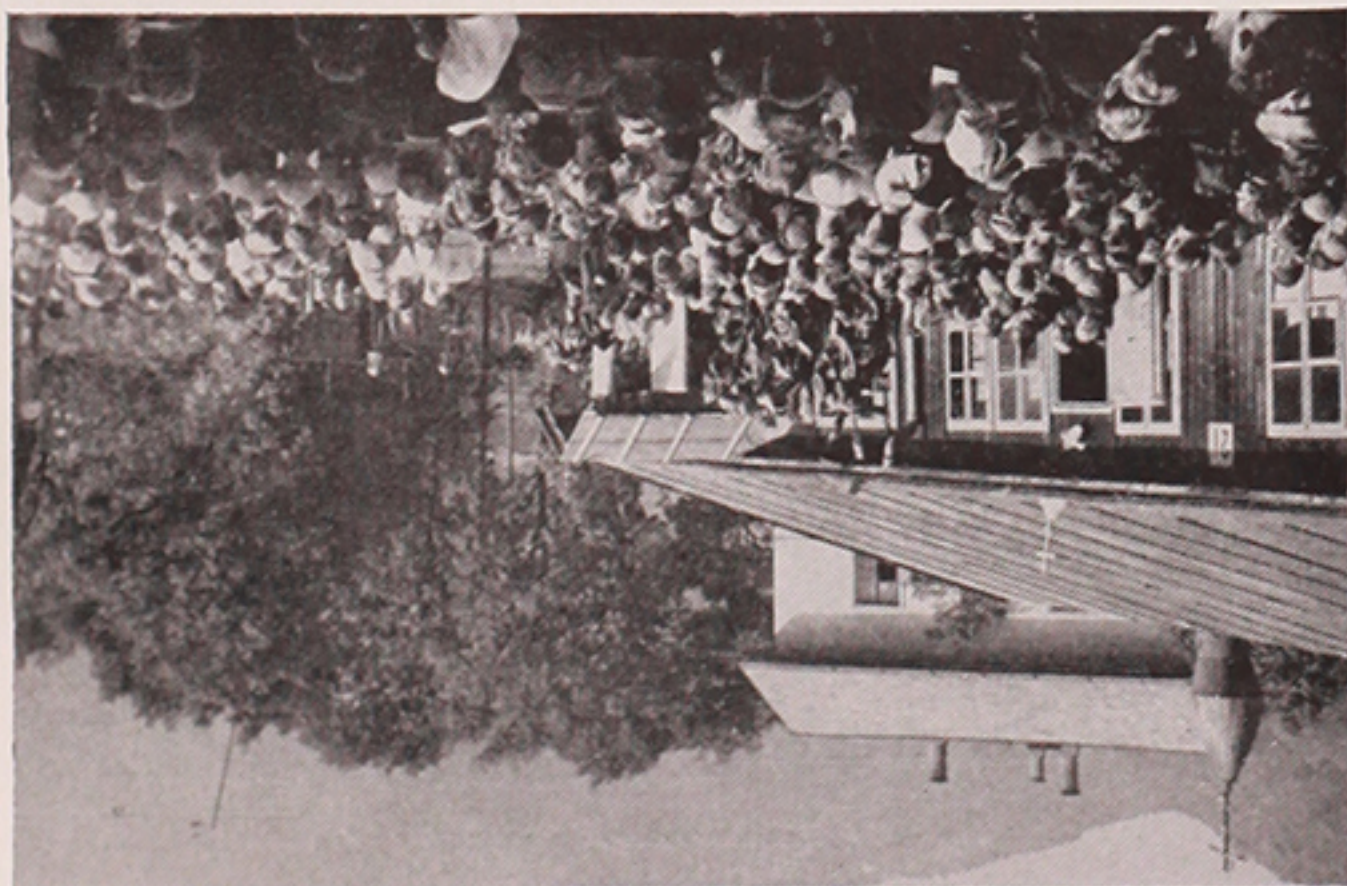
WHY the Tolstoy Foundation?

what is the need?

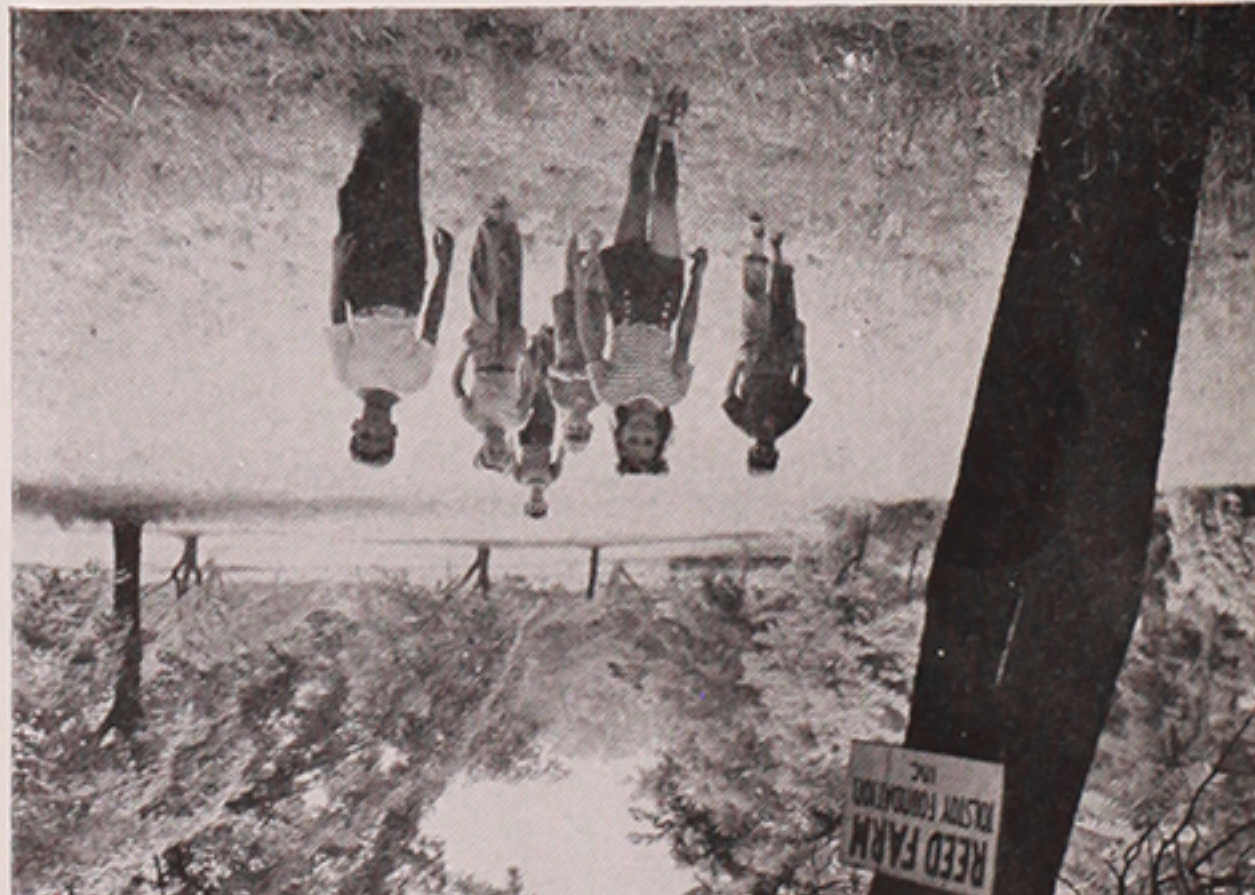
Refugees are assets to the free world —

Each escape from the Soviet slave world
weakens the Soviet myth . . .

Easter — Camp Kellerberg — Austria

Building Peace of Mind

... and strengthens the cause of truth and individual freedom. Economically and militarily, every escapee adds to our knowledge of the tactics of our enemy—the slave state. Psychologically, every escapee adds to the hope of those still behind the barbed wire frontiers that they, too, will one day be free; it adds to the fear of the Kremlin slave-masters that their victims will be given help to destroy the slave state.

The first need of every refugee is personal care—food, clothing, housing, a job. These the Tolstoy Foundation provides.

TF started . . .

... In April, 1939, the Tolstoy Foundation, "to help Russians outside Russia," was founded by a group of American and Russian friends of Alexandra Tolstoy in memory of her father, Leo Tolstoy. During World War II, it was the only private agency engaged in a program for Russian Prisoners of War, commencing with the prisoners in Finland. It sent supplies through the channels of the American Red Cross. In 1946, it assisted Russian emigres with food and clothing through facilities of the American Relief for France.

In 1941, a 70 acre farm in Rockland County, New York, was anonymously contributed to the Foundation, and used as a home for aged and children. After World War II, the Foundation had to deal with the mass problem of displaced persons in Europe and the Far East. This required use of the Farm for an immigration and resettlement center.

From early in 1948, the Foundation has helped Russian refugees to emigrate to many free countries. These Russians are useful not only in their specialties as scientists, authors, teachers, carpenters, farmers, mechanics, doctors, nurses, cooks, chauffeurs, engineers, and housekeepers, but they are—*fighters for freedom*.

Where Do They Come From?

Escapees from Soviet Asia — Soviet Europe

Twenty-three survived from a group of 117 Russian farmers living on the remote Soviet Asian border. They escaped by fighting over 100 skirmishes with the Reds, in an epic 4½ year, 5,000 mile trek to freedom across Chinese Turkestan, the Gobi Desert, Tibet, and over the Himalayas to India.

"We didn't know where we were going, but we knew *what* we were fleeing *FROM*," said Chanov the leader, on arriving in America.

TF has aided . . .

... Over 25,000 persons have received aid in some form, here, in Europe, or in Asia, from the Tolstoy Foundation. Over 9,000 have been brought to the U.S.A. and resettled, including 800 professionals.

About \$2,000,000 has been raised and spent since its founding. Administration costs averaged under 10%; service costs, 17%; overseas, under 5%.

These figures fail to show the extent of personal help given, the thousands of hours of devoted attention, investigation, encouragement, and spiritual aid given by the staff and many friends of this cause.

TF helps refugees and escapees by —

MATERIAL AID

food, clothing and temporary shelter
medical care and supplies
arranging for loans
technical advice, reference to official sources of legal aid
tracing of relatives and friends
resettlement, assistance in finding jobs —

ENCOURAGEMENT

hospitality and spiritual help
counsel and advice in adjustment to new environments
casework consultation — health and psychiatric aid
worldwide correspondence giving information and encouragement.

Freedom after Five Years Flight

K. Chanov and S.

"Some walk to Freedom, some jump, some leap"

"Our aim is to liberate the world from Communism," said a young ex-Soviet Lieutenant.

A Soviet sailor who jumped ship to freedom in Brooklyn, learned something he never dreamed of in the U.S.S.R.—"I did not know that kindness still existed in the world," he said.

Oksana Kasenkina, who made the famous leap from the Soviet Consulate window, epitomizes the spirit of the many thousands of refugees that have been aided by the Tolstoy Foundation.

TF is found in . . .

. . . Germany, Austria, Belgium, France, Switzerland, Sweden, Italy, India, China, Kashmir, Syria, Jordan, the Philippines. The Tolstoy Foundation Overseas Director, staff or representative interviews refugees, supplies them with material aid, and assists them in emigrating to a free country. Foundation representatives help to "open the doors" of official sources of aid and work closely with the great religious bodies, which bear a major burden of this humanitarian task.

The refugee is met at the dock in the United States by a welcome in his native tongue from the Tolstoy staff. Many go directly to their individual sponsor, some are taken to the *largest Resettlement Center for Russian refugees in the United States* . . .

The Tolstoy Farm. The first friendly contact escapees have with American soil is the 70 acre farm consisting of houses, cottages and service buildings which can shelter 200 people. The farming project, which is manned by refugees, provides most of the food for the Resettlement Center. English classes are given to the adults. Thus, the refugee is helped to adjust to American life. The children are cared for while their parents are resettling. All attend public grade or high schools in the community. In the summer, a camp is maintained for some 60 to 80 children. Tolstoy Farm has a transient population, with a daily average of 180 people.

Belov with Alexandra L. Tolstoy at Tolstoy Farm. April 1952.

TF AIMS . . .

To aid liberated people for work in a free world;

To educate Russian children and youths;

To encourage fighters for freedom.

To the Tolstoy Foundation:

I hereby apply for (please check) Associate ☐ Subscription ☐ Sustaining ☐ Contributing ☐
Supporting ☐ Membership in the Tolstoy Foundation.

I also contribute a special gift as follows: (1) For Tolstoy Houses abroad \$.....

- (2) For a permanent Tolstoy House in U.S.A. \$..... (3) For enlarging Children's Camp \$.....
(4) For Library and Community Building \$..... (5) For Research and Education \$.....
(6) General Fund \$..... My check for a total of \$..... is enclosed.

Name..... Address.....

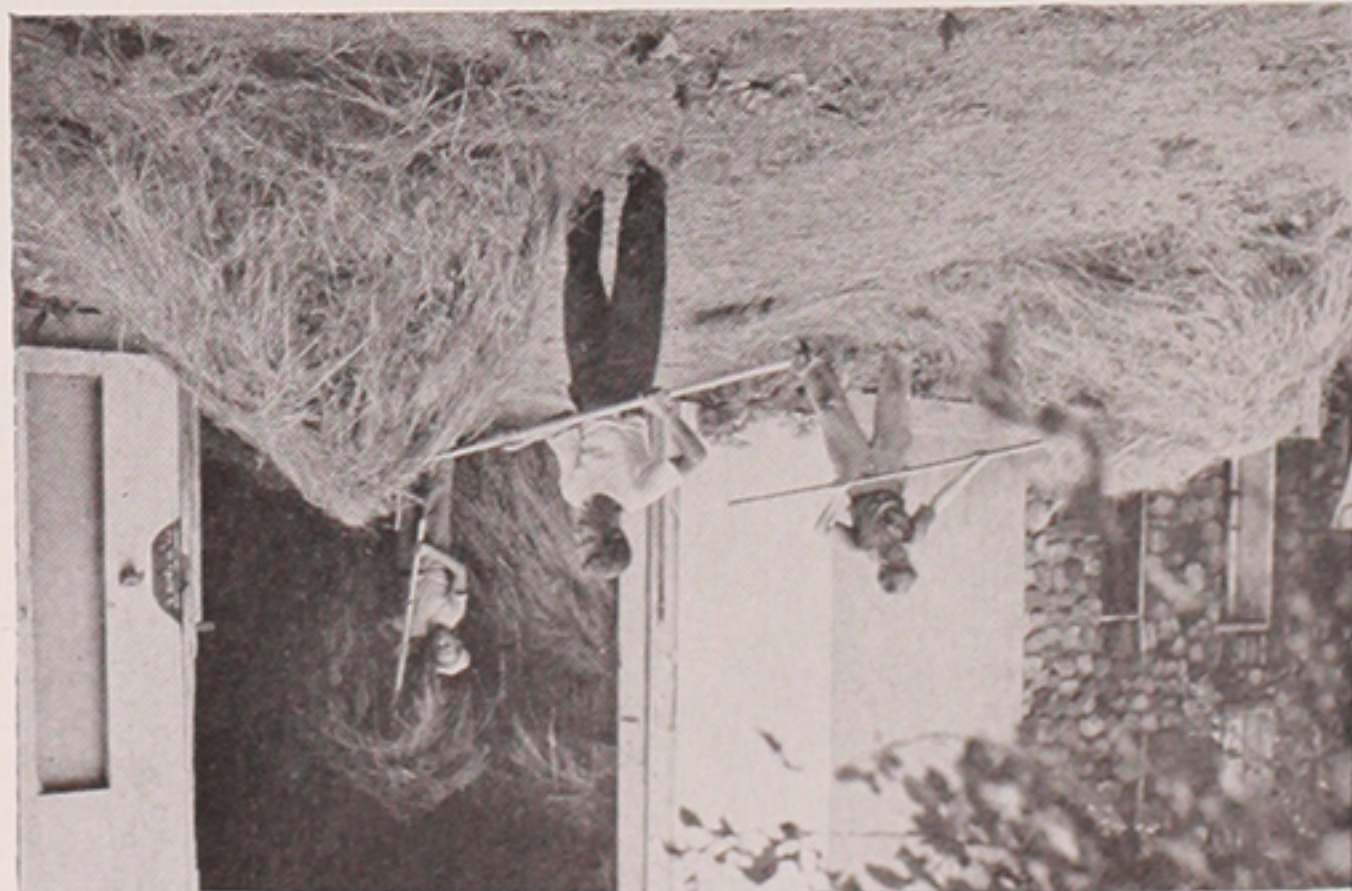
(Checks should be made payable to M. J. C. Traphagen, Treasurer, and sent to the Foundations Headquarters, 300 W. 58 St., New York 19, N.Y.)

INDIVIDUAL CONTRIBUTIONS ARE DEDUCTIBLE FROM TAXABLE INCOME

Can We Do Less?

What do men live by?
— LEO TOLSTOY

FAITH
LOVE
AND HELP TO OUR BRETHREN

Healthful Work at Tolstoy Farm

Cultural guidance from the daughter of Leo Tolstoy

CONTRIBUTIONS

The Tolstoy Foundation, incorporated under the laws of the State of New York, is the authorized welfare agency of the Russian Orthodox Church of North America for overseas aid, is registered with the Advisory Committee on Voluntary Foreign Aid of the State Department; approved by the Displaced Persons Commission; registered with the National Information Bureau; member of the American Council of Voluntary Agencies for Foreign Service; C.A.R.E.; the Council of Relief Agencies Licensed for Operation in Germany; and the Standing Conference of Voluntary Agencies in Europe.

Associate Membership in the Tolstoy Foundation, which provides a minimum support (care of one child for two days at Tolstoy Farm) entitles the member to the bi-monthly Foundation Bulletin, and any special releases.

MEMBERSHIPS: Associate \$5 ☐ Subscription \$10 ☐ Sustaining \$25 ☐
Contributing \$100 ☐ Supporting \$1,000 ☐

INDIVIDUAL CONTRIBUTIONS ARE DEDUCTIBLE FROM TAXABLE INCOME

TF and the FUTURE

Escapee fighters for freedom are the greatest source of strength in the movement to free the Russian people from the Soviet tyrants. So with its work taking on increasing importance, the Tolstoy Foundation has specific plans for which it needs capital funds over its current annual budget of \$285,000. Major projects are:

1. **Development of Tolstoy Houses** for the temporary shelter of escapees in Western Germany and Austria.
2. **A Permanent Tolstoy House** in New York City as headquarters to service the countless persons seeking help and counsel.
3. **Enlargement of Children's Camp** at Tolstoy Farm so as to meet the demands for more and better temporary care of the vigorous young people—future American citizens.
4. **A Library and Community Building** at Tolstoy Farm to provide more and better organized recreation and to house 18,000 volumes donated during the past year.
5. **More Facilities for Research and Education** in order to interpret more effectively the resettlement problem to the Congress, government bureaus, and the public on the one hand, and to the new arrivals on the other.

THE HAND OF AMERICA IS HELD OUT TO PEOPLES OF RUSSIA

НОВОСТИ • THE NEWS

Толстовского Ф о н д а **TF** T o l s t o y Foundation

Tolstoy Foundation, Inc., 300 West 58th Street, N. Y. C.

Год II. № 7. Май-Июнь 1952 г.

Vol. II. No. 7. May-June, 1952

Добро вне цепи причин и следствий.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, «Круг Чтения».

The Good is beyond cause and effect.

LEO TOLSTOY, "Circle of Reading"

ОТ АЛТАЯ ДО НЬЮ-ЙОРКА ЧЕРЕЗ ТИБЕТ И КАЛЬКУТУ

29 марта 1952 года, утром, в порту Нью-Йорка, когда транспорт «Генерал Тэйлор», пришедший из Бремерхафена, пристал к берегу, для 19-ти русских беженцев закончилось путешествие, длившееся более четырех лет. Люди, крепкие, загорелые, большей частью молодые (среди них — две женщины) ждали, когда их отпустят фотографы и журналисты. Затем, по тяжелым сходням, они сошли на американскую землю. И для них началась новая жизнь.

Первые вести о том, что в Калькуту прибыли 24 человека «русского происхождения», бежавшие из Синкьянга от красных через Тибет, дошли до Толстовского Фонда летом 1951 года. Позже удалось установить, что

FROM THE ALTAI MOUNTAINS TO NEW YORK VIA TIBET AND CALCUTTA

On the morning of March 29, 1952 when the "U.S.S. General Harry Taylor" arrived in New York from Bremerhaven, nineteen Russian fugitives came to the end of a journey which had lasted more than four years and covered more than 5,000 miles. This group of healthy sun-tanned persons (among them two women) awaited the moment when the photographers and reporters would be through with them. Then, coming down the gangplank they stepped onto American soil and started a new life.

In July, 1951 the Tolstoy Foundation first learned that twenty-four persons "of Russian origin," fugitives from Sinkiang, had escaped from the Reds through Tibet

В Калькуте. В центре — И. Белов.
In Calcutta. In the center I. Belov.

Группа шарасуминцев на толстовской ферме. Слева направо в первом ряду: Таня Шарыпова, Александр Карпович Ш. и К. Чанов.
The Altai Group at the Tolstoy Farm. In the first row from left to right: Tania Sharypova, Alexander Karpovich Sh. and K. Chanov.

эта маленькая группа одна уцелела из 115-ти человек, вышедших осенью 1947 года из Шарасуминского округа, на Алтае. От того места, где СССР граничит с Монголией и Китаем, в провинции Синкьянг, не «перемещенные», но «сами себя переместившие» лица сделали до берегов Ганга более 5000 миль.

Откуда шли эти люди?

Волость их на Алтае, откуда они родом, состояла из пяти поселков, где все они были хлеборобами. Друг друга они знают с детства, знакомы семьями; вся жизнь их связана общими воспоминаниями. Жили трудолюбиво, хлебопашествовали, сеяли пшеницу, овес, держали скот. Зима в этих местах суровая, лето жаркое: яблони умирают при 40-градусном морозе и яблок нет, но легко можно вырастить помидоры и арбузы.

До 1932 года жизнь была мирная. На юг от поселка Шинкур — главный город провинции Синкьянга, Урумчи (миллион жителей); на северо-запад — советская граница. Избы были деревянные, крытые тесом. Быт — строгий, как полагается староверам. Воспоминания гражданской войны, сибирские атаманы, поход Колчака были еще свежи в памяти отцов.

Но вот из-за советской границы начинают появляться агитаторы. Первый и главный (прибыл около 1934 г.) энергичный и молодой Яков Малик — нынешний представитель Советского Союза в ООН. Агитаторы смущают молодежь в городах, то тут, то там вспыхивают бунты. Постепенно губернатор провинции (дубани) оказывается окруженным московскими советниками. Мелькают пришлые люди, один из которых — настоящий китаец, много лет проучившийся в Москве, по имени Мазуин (не Мао-Це-Дун ли?). Все закипает, кипит. В разных пунктах провинции начинаются беспорядки. В зависимости от генеральной линии, взятой в этот момент Москвой, Кремль то разжигает, то подавляет восстания, топя города и села в крови.

Работа Якова Малика.

Хлеборобы Шинкура, для защиты от красных банд, получили оружие от правительства Чан-Кай-Ши, и, вооруженные, выходят работать в свои поля («одной рукой сеем, другой — винтовку держим»). Они бессильно наблюдают, как постепенно ликвидируются, при каждом новом восстании, то старые «белые» русские (прапорщики царского времени, ставшие генералами Чан-Кай-Ши), то мусульманское духовенство, то контр-революционно настроенные киргизы. Советское консульство в Урумчах гудит, как улей: агенты приезжают и уезжают, меняют имена, внешность; исчезают в недрах страны, появляются снова с другим паспортом.

Малик, как когда то Бородин и Карахан в Пекине, был в 30-х годах негласным хозяином Синкьянга. Все

и had arrived in Calcutta. Later it became known that this small group were the only survivors of 115 persons who left the district of Sharasumin in the Altai Mountains in the fall of 1947. From Sharasumin where the USSR borders on Mongolia and China, these people who were not "displaced persons" but "persons who displaced themselves," traveled 5,000 miles to the banks of the Ganges River.

WHERE DID THESE PEOPLE COME FROM?

They were all farmers, natives of five villages, in the Sharasumin district of Sinkiang, China. They have known each other from childhood and are tied by common memories of work in their fields, of cultivating wheat and oats, and raising cattle. The winters in the Altai Mountains are very cold and the summers are hot. There are no apples there (for apple trees can't survive at 40 degrees below zero), but there are tomatoes and watermelons.

Until 1932 life was peaceful. South of Sharasumin district lies the city of Urumchi (population 1,000,000), the capital of Sinkiang; on the Northwest—the Soviet boundary. The houses in Sharasumin were made of wood, with wooden roofs. The people were Old Believers (Starover) and the way of life was old-fashioned. The old men remembered the Civil War of 1917-1920, Admiral Kolchak and the Siberian chieftains. . . .

Then gradually agitators started to come from beyond the Soviet frontier. The most impressive one arrived around 1934—the energetic, young Jacob Malik, who now represents the USSR at the United Nations. These agitators spoke to the youth in the towns. Here and there small revolts started. Increasingly the governor of the province found himself surrounded by advisors from Moscow. Then strangers appeared—one of them, a Chinese, who had studied in Moscow for many years. His name was Mazuin (was this Mao-Tse-tung?). Everything was in turmoil and disturbances occurred in all parts of the province. Always following the fluctuating policy of the Kremlin the Soviet either incited these disturbances or suppressed them, drowning whole villages and towns in blood.

THE JOB OF JACOB MALIK

To defend themselves against the Reds, the farmers of Sharasumin got guns from the government of Chiang-Kai-shek and daily went armed to their fields. (As one of them says: "We sowed with one hand and held a gun in the other.") Helplessly, they saw how at each new disturbance, the old "white" Russians, the Moslem clergy and the anti-Communist Kirghiz were liquidated. The Soviet Consulate in Urumchi swarmed like a beehive: Soviet agents came and went, they changed their names and their appearance, scattered throughout the country and returned again with new passports.

Malik was at that time the unofficial master of Sinkiang,

цело держа в своих руках губернатора Синкьянга, он угрожал, что если что-либо будет не так, как угодно Москве, красная армия «войдет» в провинцию, «пройдет» на восток...

В 1942 году наступили проблески: жена Чай-Кай-Ши приехала в эти места и очистила их от московских наместников. Но в 1945 году они появились снова и сторонники их подняли голову.

— Ялтинская конференция придала им силы, — говорят шинкурцы, — они почувствовали почву под ногами. А наш брат понял, что скоро не будет нам жизни на наших местах. Но сдаться без боя мы не хотели, хотели воспользоваться тем, что были ружья и маузера.

Урумчи — столица губернии.

В Урумчах в это время русская эмиграция частично была ликвидирована, частично принуждена была взять советские паспорта. Удивительные люди доживали свой век в этом огромном, затерянном в китайских пространствах городе! Один из них был русский консул царского времени, ему было в то время лет под 80. У него отняли все, близких он потерял, консульскую церковь превратили в склад казенных товаров, перелив на пушки колокола, но он оставался в городе и попрежнему из Пекина и Шанхая продолжали к нему ездить ученые китайцы: он был известен на всю страну, как специалист китайской древней литературы и китайской истории. Когда последние друзья, убегая из Урумчей, предлагали ему бежать с ними, он отвечал:

— Куда? Зачем? Я слишком стар. Здесь прошла моя жизнь.

Как окончил свою жизнь этот человек и что стало с его драгоценной библиотекой, конечно, не узнает никто.

Уход.

Наступил, наконец, день, когда пахать с винтовкой в руках оказалось небезопасным. Все лето 1947 года продолжались восстания, пожары, набеги, убийства и грабежи красных. В Шарасуминском округе ничего не было известно: сколько у Чан-Кай-Ши войска? Кто сильнее? Будет ли защита? Война подходила все ближе, регулярные советские войска шли из-за границы, китайцы и киргизы уходили под командование антикоммунистических генералов. Появились первые чины НКВД... И в одну из осенних ночей, уже холодных и черных, в октябре 1947 года, около ста мужчин, дюжина мальчиков-подростков, женщина и девятилетняя девочка, отстреливаясь и отбиваясь от наступающих красных орд, покинули свои деревни, вооруженные, на конях, переплыли реку и, не оглядываясь на зарево, пылавшее над родными местами, ушли куда глаза глядят — туда, где они предполагали найти сражавшееся против красных, регулярное войско.

as Borodin and Karakhan had once been at Peking. He controlled the government and threatened, that if Moscow's orders were not obeyed the Red Army would "enter" the province, and would "pass through" it to the Orient. . .

In 1942 the situation improved. Madame Chiang arrived and drove out the Soviet rulers. But in 1945 they came back and their sycophants became arrogant.

"—The Yalta Conference gave them encouragement,"—say these refugees from Sharasumin. "They felt stronger, more powerful and we understood that soon life would no longer be possible there. But we didn't want to surrender without fighting; we wanted to use our rifles and pistols."

URUMCHI, CAPITAL OF THE PROVINCE

In Urumchi during the last half of 1945 and early 1946 the Russian political emigres were either liquidated or forced to become Soviet citizens. Many strange people were ending their days in this huge city, deep in Chinese territory. One of these was the former Imperial Consul who was 80 years old. He lost his family and all his property; the Consulate's Orthodox church was secularized for use as a warehouse and the bells were melted down to make cannons. But the Consul remained in the city and, as usual, Chinese scientists from Peking and Shanghai continued to come and see him for he was famous throughout China as a specialist on Chinese history and literature. When his friends, fleeing from Urumchi, asked him to join them he answered:

"—Why? Where should I flee? All my life has been spent here."

What happened to this man and what became of his immensely valuable library no one may ever know.

THE FLIGHT

Finally the day came when it was no longer possible to plow with a gun in one hand. Throughout the summer of 1947 there were troubles, disturbances, fires, murders and robberies—all carried out by the Reds. At Sharasumin nothing was known about the armies of Chang-Kei-shek: how large they were, how well armed and whether they would be able to put up any defense. The war came closer, the Soviet armies crossed the frontier, the Chinese Kirghiz retreated, led by anti-Communist generals. Then the first NKVD men arrived. . . .

On a dark cold night in October 1947 about a hundred men, a dozen teen-aged boys, one woman and a nine-year-old girl with their horses and ammunition left their homes, fought their way through a Red patrol, swam across a river and without looking back at their burning villages started out, hoping to find the regular Chinese Army which was fighting against the Reds.

THE ARMY OF OSMAN-BADUR

This army still existed. It had not finally collapsed and Osman-Badur with 3,000 faithful men was heroically de-

Войско Осман-Бадур.

Оно еще существовало. В те месяцы оно еще не было окончательно разбито и Осман-Бадур, окруженный 3000 верных людей, героически отбивался в просторах северного Синкьянга. Это был совершенно неграмотный громадный человек лет 50-ти, с бородой по пояс, в остроконечной барашковой шапке, с свирепым и умным лицом. Он принял бежавших русских, добавил им вооружение, дал новых коней, определил к себе на службу. Он кормил их и одевал и даже платил им жалованье.

Отстреливаясь, отбиваясь от врага, ища подмоги, не имея ни арьергарда, ни в настоящем смысле слова тыла, но чувствуя себя маленьким островком в океане красного Китая, войско Осман-Бадура проявляло некоторое время то геройство, которое знакомо каждому партизану. Так, сначала около Байтыка, а затем подле Гу-чена, около двух лет, почти не слезая с коней и все время лелея надежду прорваться на родное пепелище, жили алтайские пришельцы держась друг друга, под начальством выбранного ими старшины, Бурьгина. Но не всегда удавалось быть вместе: из 115 человек, прибывших к Осман-Бадуру, кое-кто погиб, кое-кто затерялся, кое-кто отделился. 23 человека постепенно образовали плотное ядро и, может быть, благодаря этому, в конце концов спаслись.

Но осенью 1949 года до спасения было далеко: испытания только еще начинались. Войско Осман-Бадура распадалось, красные теснили, превосходя партизан Чай-Кай-Ши количеством. Несметная военная сила бушевала на громадных просторах и 23 человека, плотно привязав женщину и девочку к коням, до зубов вооруженные, в овечьих шкурах, в меховых сапогах и киргизских шапках, пошли... карты у них не было, дорог они боялись, местности не знали. По солнцу, по звездам искали дорогу.

— Мы подавались на юг. Там, говорили, «их» не было...

Караван Бурьгина

Они шли днем и ночью. Иногда не слезали с верблюдов и коней по трое суток. Верблюды везли амуницию и поклажу. Мать или отец Шарыповы вели под уздцы яка, на котором дремала дочка. Они шли, иногда попадая в перестрелку, то страшась местного населения, то доверяя ему, как звери, следуя инстинкту, много не рассуждая и не расспрашивая, шли и шли, переплывая реки, переходя болота, встречая на пути то безводные пространства Гансу, то холмы и камни Чинхей. Один раз, под вечер, пересекли Императорскую Великую Китайскую дорогу, другой раз, на рассвете, увидели вдалеке первые снежные горы. Ели коней, ели верблюдов, били дикого зверя...

fending himself in Northern Sinkiang. An illiterate giant of 50 with a clever and ferocious face, he wore a beard to his waist and a tall lambskin hat. He welcomed the Russian fugitives, gave them more ammunition and new horses and invited them to join him. He fed them, clothed them and even paid them wages.

Fighting against the enemy without help or rear guard, like a small moving island in the ocean of Red China, the army of Osman-Badur showed the heroism known to every guerilla. For almost two years, first near Baytyk and then around Gu-Chen, rarely dismounting from their horses, always cherishing the hope of returning to their native village, the refugees clung together under the leadership of their chosen captain, Burygin. But they could not all stay together. Of the original 115 who had come to Osman-Badur some had died, some had departed and others were lost. Twenty-three gradually formed themselves into a group and thereby saved themselves.

In the fall of 1949 however their salvation was still a long way off. The ordeal had only begun. The army of Osman-Badur disintegrated and the advancing Reds greatly outnumbered the guerillas of Chiang-Kai-shek. When large-scale military forces overran their territories the group of twenty-three decided to leave. They tied the woman and the girl to horses and loaded themselves with ammunition. And so, clothed in lambskin coats and hats they left—without maps or knowledge of the surrounding territory.

—We kept moving to the South—the refugees relate. People told us the Reds were not yet there.

THE CARAVAN OF BURYGIN

They traveled day and night, some on foot, the others sometimes without dismounting from their horses and camels for 60 hours. The camels were loaded with ammunition and supplies. Father and mother Charypov led the yak on which their daughter slept. Often the group fought skirmishes; sometimes they asked directions and sometimes they were afraid to do so, pressing on silently like animals obeying their instincts. They marched continuously, swimming across rivers, traversing the gray desert of Gansu and the stones and hills of Chin-Hei. One evening they crossed the Great Imperial Chinese Road and one sunrise they saw on the horizon snow-capped mountains. They ate their horses and camels and hunted wild beasts.

—We always had enough meat—they say. We had nothing else but we had meat.

For four days and four nights they walked across a part of the Gobi Desert. They attached water-bags made of lambskin to the camels for water supply for themselves and the camels. On the boundary of Chin-Hei and Tibet they sighted the Tibetan border guards and realized that

— Мяса всегда было вдоволь, — говорят они, — другого чего не было, но мясо было.

Пустыню Гоби они задели краем — четыре дня и четыре ночи шли по ней, запасшись водой, наполнив ею свежие бараньи шкуры, — на верблюдов навязали их. Этим спасли и себя и верблюдов. На границе Чинхей и Тибета увидели они пограничную стражу — война для путешественников была закончена: Тибет в то время еще не был красным; алтайцы поняли, что дошли до первого верного места. Тибет принял их. Они были временно защищены.

В Тибете

Тибет в те месяцы 1950 года был крепостью накануне сдачи. Но некоторое время все-таки пришельцам удалось передохнуть в этой стране. Много сказочного пережили они в этом сказочном краю, где сейчас уже не осталось камня на камне от таинственного прошлого. Орды китайцев, монголов и русских смели тысячелетнюю мысль и тысячелетнюю волю этой заповедной страны. Но алтайцы еще видели ее во всей ее загадочности и таинственности. Они побывали на высоте 18.000 футов и спускались в Гималаях тропами, где до них не ступала человеческая нога; они видели Лхассу, город лам и храмов; они испытали на себе странную силу атмосферного электричества. И людей они встречали, каких нигде больше нет на свете: желтолицых «прынцев», бежавших от красных и с сокровищами своими, семьями и несколькими приближенными скрывающихся в горах — куда никто не знает дороги и куда можно попасть только с проводником.

Что делали они в этой стране и сколько в ней оставались? Они старались заработать себе на жизнь дублением кож, покупая сырье у китайцев и продавая фабрики киргизам. Бурягин в Лхассе заболел и был оперирован, и его место занял 23-летний Куприян Чанов. Тибетское правительство разоружило их, заплатило им деньги за оружие. Они оделись заново, обулись, откормились... Но война шла за ними и они ни минуты не забывали, что Тибет — только передышка и что надо уходить дальше.

Беженцы из красного Китая, приставшие к ним, и с ними вместе перешедшие границу, оказались (в Тибете) советскими людьми, под видом «жертв коммунизма», вторгнувшимися в эту страну. И здесь начиналась та же советская пропаганда, те же беспорядки, та же страшная угроза НКВД.

Конец пути.

Тибетское правительство, дружески настроенное к Чан-Кай-Ши, отнеслось к ним сочувственно. Поддержку нашли они также в лице индусского консула в Лхассе. Визы были даны для входа в Индию и они вышли из Тибета, — все на юг, — чтобы пройти последнюю тысячу

the war for them was finished. At that time Tibet was not yet controlled by the Reds and the fugitives felt secure. Tibet admitted them and they were temporarily safe.

IN TIBET

At that time in 1950 Tibet was a fortress on the eve of its surrender but the fugitives had an interim of safety. They saw many fantastic things in this fantastic country. Later hordes of Chinese, Mongols and Russians smashed the thousands-year-old culture of Tibet so that now almost nothing is left of its past. But the people from Sharasumin saw it in all its sunset splendor. They crossed over mountains which were 18,000 feet high and they went down the precipices of the Himalayas by tortuous routes which had probably never been traveled before. They saw Lhasa, the city of the Lamas and its temples; they felt the strange electricity in the air. And the men that they met were also strange: yellow-skinned princes who with their treasures, their families and their last few faithful companions, were fleeing the Reds and hiding in the mountains where none, save a special guide, could find the way.

How long did they stay in this country and what did they do there? They tried to earn their living by skinning animals and tanning the hides; they bought their raw materials from the Chinese and sold what they produced to the Kirghiz. At Lhasa, Burygin became ill and was operated upon; his place as leader was taken by Kuprian Chanov, age 23. The government of Tibet bought their weapons and ammunition and with this money they could buy food and new clothes. But the war was following them and they knew that Tibet was only a resting place and that they must go farther.

THE END OF THE JOURNEY

The Tibetan government, which was allied with Chiang-Kai-shek, sympathized with the refugees. They also found support at the Indian Consulate in Lhasa which gave them visas to enter India. And so they left Tibet and continued South, walking the last thousand miles to Calcutta. They still knew nothing about their fellow fugitives who had disappeared in Sinkiang; they did not meet any more anti-Communist military groups in their travels. When in June 1951 they finally arrived in Calcutta the boys had grown and hardened into men and Tania Sharypova had become a young woman. From Calcutta came their appeal to the Tolstoy Foundation in New York, and now they are here. . . . They get out of the station wagon at the Tolstoy Farm. They are welcomed with bread and salt, according to the old Russian custom. In the chapel at the farm a short ceremony of Thanksgiving begins. . . .

миль до Калькуты. Ни о ком из остальных спутников, исчезнувших еще в китайских провинциях, они никогда ничего так и не узнали, никаких анти-коммунистических военных частей больше не встречали и в июне 1951-го года прибыли в Калькуту: мальчики были взрослыми мужчинами, «старик» постарел, Таня Шарыпова из ребенка стала подростком... Из Калькуты раздался их призыв, и вот они — здесь. Они выходят из автомобилей у ворот Толстовской Фермы. Их на крыльце встречают хлебом-солью. В маленькой церкви начинается молебен.

Из 24 человек, прибывших в Нью-Йорк, один не принадлежал к алтайской группе — это был старый эмигрант, «белый» русский, ушедший в Китай после революции с армией ген. Анненкова. Александр Карпович Ш. пристал к группе в Калькуте в последнюю минуту. Его история иная и тоже особенная, тоже полная приключений. Между Шанхаем, Пекином, Харбином и знакомыми нам уже Урумчами прошла его жизнь и история этой жизни будет им когда-нибудь рассказана. Он и три алтайца (среди которых — Бурягин) прибыли в Америку матросами на товарном судне. 19 человек (во главе с Чановым, Шарыповыми и И. М. Беловым) летели от Калькуты до Бремерстафена и затем погрузились на транспорт «Генерал Тэйлор». Одного из 24-х группа потеряла: это был отец Марии Фед. Шарыповой, самый старый по возрасту шарасуминец, ветеран первой войны, Федосей Карпов, выехавший уже тяжело больной из Калькуты и умерший в больнице в Гамбурге.

Дороги этих людей (различных по возрасту и, вероятно, по дальнейшей судьбе) разойдутся, в этом нет сомнений: пожилые хотят сесть на землю:

— Потому хлеборобы мы.

Молодые мечтают стать электро-механиками, техниками; двое, вероятно, уйдут в американскую армию. Мария Федосеевна мечтает с мужем и дочкой иметь «свою избу». Александр Карпович, знаток пушного дела, отправится скоро на север... Но что то навсегда связало этих людей. И мы счастливы, что и нас судьба связала с ними в нашей работе и посильной помощи им.

ПОЕЗДКА Т. А. ШАУФУС НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Европейский представитель Толстовского Фонда Т. А. Шауфус выехала в Иерусалим по делам беженцев. Толстовский Фонд телеграфно просил ее посетить Иран, где находятся 1200 Ди-Пи, для урегулирования вопроса о переезде этих лиц через океан.

Among the 24 persons who arrived in New York one was not a member of the Altai group. Alexander Karpovich Sh. is an old "white" Russian emigree who came to China after the Revolution of 1917 and joined the others in Calcutta at the last moment. His story is a different one and is also full of adventures. His life has been spent in Shanghai, Peking, Harbin and Urumchi and one day he will tell us his story. He and three men from the Altai group (including Burygin) came to the United States as sailors on merchant ships. The rest of the refugees (including Chanov, the Sharypovs and I. Belov) flew from Calcutta to Bremerhaven and from there nineteen of them came to New York on the SS "General Harry Taylor." But one of the group did not finish the journey: Fedosei Karpov, the father of Maria Sharypova, a veteran

Группа, снятая в Индии.

The Altai Group (photographed in India)

of World War I, he was already sick when he left Calcutta. He died in a hospital in Hamburg the day before his companions landed in New York.

There is no doubt that this group will now separate. The older ones want to be farmers ("Because we have always been farmers"). The young ones dream of becoming mechanics and taking their part in the active life of the Western world; two of the boys will soon go into the Army. Maria Sharypova with her husband and daughter hopes to have her own "izba." Alexander Karpovich Sh. who is a specialist in fur-bearing animals, will soon go to the North. . . . But these people are tied together forever by the experiences which they have shared and we are happy that we are tied to them by the help which we have been able to give them.

Copyright by the "Tolstoy Foundation News."

С 1-го апреля адрес Толстовского Фонда: 300 West 58th St., New York City.

HOW THE TOLSTOY FOUNDATION GOT A LIBRARY

About eight years ago the Tolstoy Foundation wanted to hire as a chef for its resettlement center at Reed Farm, a certain Mr. X. He proved to be not available and for a time nothing further was heard of Mr. X.

Then, one day in the Spring of 1951, someone called the New York office of T. F. and asked if the organization would be interested in having a library of about two thousand volumes, which, he said, were mostly books on Russia in English. If so, would a representative please come immediately to examine the collection and decide.

Miss Tolstoy and Mr. Taylor, T. F. Executive Director, wasted no time in going to the address given, which was that of a fashionable apartment house in the East River. There they were received by a puzzled gentleman in a beautiful duplex apartment with windows overlooking the river, up and down and across to Brooklyn. "We are looking for a Mr. X," said Miss Tolstoy. "Oh, yes," acknowledged the gentleman, "he is my chef . . . if you just come down the back stairs here. . . ."

So, Miss Tolstoy and Mr. Taylor came to the chef's room and met Mr. X. whom Miss Tolstoy immediately recognized as the dishwasher she had tried to hire eight years before, a man now in his 70s. The room was very small and very neat, with a table, two chairs, a narrow bed and all the walls covered with bookshelves from floor to ceiling. Many of the books were handsomely bound in tooled leather, and all were immaculately dusted, showing the care of an affectionate bibliophile.

"But why do you want to give away these books?" asked Miss Tolstoy. "Because I am sick," Mr. X answered, "and I cannot work anymore and I will have no place to keep them. These books are my closest friends," he continued, "all the money I saved I spent on these books, which I chose in second-hand bookstores and then brought home and washed and cleaned and mended whenever that was needed. You see these shelves," he said, "I had no money to buy them, because I needed all my money to buy books, so I made these shelves from the wood of the cases which contained the champagne I served to my employers and their guests at dinners."

Miss Tolstoy was greatly touched and, after thanking Mr. X. for his generous gift and promising that his books would be protected at Reed Farm, gave the story to the Russian language newspapers.

Later in the Spring, Miss Tolstoy was in California to meet a boatload of Russian DPs coming from their temporary haven in the Philippines, when a visitor came to the San Francisco office of the Tolstoy Foundation. She was a Mrs. L., whose husband had been publisher of three

Russian newspapers in China, and who had a library of some 10,000 books which they had been able to bring with them to the United States. Mrs. L. asked Miss Tolstoy if this library could be accepted as a present for the T. F. Reed Farm Center. Miss Tolstoy, of course, was delighted and in due course the 10,000 books were shipped by boat through the Panama Canal and arrived on the farm.

At the present moment, these two libraries with another thousand or so books, totalling over 13,000 in all are safely boxed up in the warehouse at the farm. Mr. X. is also on the farm, where he has a small room, in which he is making a catalogue of the whole library slowly and painstakingly by carrying the books back and forth from warehouse-box to his room and back to be packed away again. There is no building available to house the books, in shelves, where books should stand ready for their readers. And, even if there were a room to put them in, there are no champagne cases at the Tolstoy Resettlement Center out of which Mr. X. could extemporize shelving.

Yet, T. F.'s Reed Farm now has an average of about 180 people, of which some 35 are between the ages of 6 and 18. In Nyack, 3½ miles away, there are 200 Russian families, many of them new arrivals in the United States who have not yet learned English, but who long for books to read: The books that Mr. X. daily cleans and mends, and puts back into boxes in the warehouse.

НАМ ПИШУТ ИЗ ГОН-КОНГА

До Толстовского Фонда кружным путем дошли сведения о том, что в Шанхае в данное время находится около 4000 человек «российского происхождения». Кроме них в городе зарегистрировано (не принадлежащих ведению ИРО):

- 242 русских эмигрантов, взявших советские паспорта,
- 67 безподданных,
- 72 безподданных «неизвестного происхождения»,
- 34 грека,
- 47 испанцев и
- 20 человек «неизвестной национальности».

Связь между Шанхаем и Гон-Конгом очень затруднена, тем не менее нам удалось узнать, что в крупных центрах Китая идут беспрерывно аресты русских эмигрантов. В Харбине, Тяньцзине, Пекине и Шанхае среди прочих видных русских арестованы: И. И. Дементьев, В. Соснин, Н. Шулыгин, Д. Ердяков, Байков и Фридендер.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Толстовская Ферма (Рид Фарм) благодарит следующих лиц за регулярную и аккуратную присылку старых газет для лагерей Ди-Пи (по алфавиту): Л. Т. Бакуту, П. А. Лиходя, К. А. Паугерте, И. Хутско и М. С. Цетлину.

РУССКИЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В одном из крупных городов юга Соед. Штатов Америки, по инициативе энергичного русского человека, в данное время создается русский центр. Нами получено письмо, где инициатор этого дела рассказывает нам о своих планах и о трудностях их осуществления. По просьбе автора письма, мы не называем ни его имени, ни города, где он работает, и печатаем его письмо в выдержках. (Ред.).

«Я бьюсь, как рыба об лед уже в течение двух лет, после моего приезда в эти края, где я нашел всего пять русских, не скрывающих своей национальности. Пришлось начинать с азов, так как одно слово «русский» вызывало весьма отрицательное отношение и многие мне советовали молчать — из чисто практических соображений. Я не последовал этому совету и начал пока единолично давать интервью в газеты и читать доклады там, куда меня приглашали. После этого я начал завязывать личные знакомства со сведущими людьми американской общественно-политической жизни. Это была буквально пионерская деятельность на далеком юге.

Моя идея будет понятна Вам из прилагаемой программы «Анти-коммунистического Института»; цель его 1) изучение коммунизма, представляющего угрозу всему миру и привлечение широких масс ко всем вопросам, с этим связанным; всемерно поддерживать американское правительство в его борьбе с возможной агрессией Советов. 2) Принять меры для создания во всех больших центрах США подобных же институтов для анти-коммунистической пропаганды в Америке и для связи единомышленников между собой. Центр деятельности этих институтов должен находиться в Нью-Йорке и должен возглавляться авторитетным лицом (сенатором или конгрессменом). 3) Каждый член института, на подобие членов клуба, будет встречаться для самой тесной совместной работы. Будет создана анти-коммунистическая библиотека, будут намечены темы собеседований. Предполагается создать связь между институтами и местными властями, а также кружки для изучения истории и языка всех угнетенных народов.

С этой программой я обошел буквально всех местных крупных людей. Все одобрили мои мысли и выразили желание меня поддержать. Я думаю, мы в силах объяснить людям, среди которых мы живем, что такое Россия, в отличие от СССР. Мы можем рассеять существующий взгляд на русский вопрос, внедренный многими годами никем не потревоженной советской пропаганды, внушающей американцам, что Советы — это и есть Россия.

Меня поддерживают в местном университете профессор и студенты. Мне удалось переговорить с лидером Методистской церкви, фактическим хозяином Методистского университета. Результат был весьма благоприятный. Я познакомился с деканом университета,

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ НЬЮ-ИОРКА

7-го апреля 1952 года Благотворительный Совет города Нью-Йорка созвал заседание представителей печатных органов, выходящих при различных благотворительных организациях. Среди них присутствовал и редактор «Новостей Толстовского Фонда».

Благотворительный Совет этот стремится как можно шире пропагандировать свою деятельность. Главная его цель — помогать новым иммигрантам, в частности — Ди-Пи. Присутствовали: пастор А. Пепер (председатель Совета), мисс Бэкер, его главная помощница, мисс Хагер, заведующая отделом печати Благотворительного Совета, г. Чиж — от организации Каммон Каунсил, и около десяти представителей различных комитетов.

Вопросы, которые обсуждались на заседании, наиболее крупные из всех, стоящих перед благотворительными организациями, а значит и перед Толстовским Фондом: вопрос стариков (представитель Толстовского Фонда сообщил собравшимся об учреждении «Фонда Помощи Престарелым»), вопрос детей, которых матери хотели бы поместить в ясли, чтобы иметь возможность работать; вопрос нахождения работы; вопрос устройства на работу квалифицированных специалистов; детские летние лагеря. В этом году будет летний лагерь при Толстовском Фонде (см. стр. 10).

В живом обмене мнений собравшиеся узнали много для себя полезного. Благотворительный Совет города Нью-Йорка ставит себе ближайшей задачей создание информационного бюро, где каждый, приезжающий в Соед. Штаты, мог бы получить нужные ему сведения.

Присутствовавшими был также затронут вопрос о бесплатном изучении английского языка. В будущем номере «Новостей Т. Ф.» будет напечатан список бесплатных школ г. Нью-Йорка, куда может обратиться каждый Ди-Пи, желающий пройти курс.

который сейчас работает над созданием Института «for American Affairs». Он обещал мне иметь в виду Русскую Секцию.

Последний мой проект — создание Модель Колледж Рашан Лайбрери (русскую библиотеку) я начал уже приводить в исполнение. В русской анти-коммунистической библиотеке ощущается острая необходимость, так как в университетской библиотеке цветет пышным букетом советская пропаганда — 75 процентов советских книг! Летом я займусь разборкой их и отделию советские книги от русских».

HOW TO LEARN RUSSIAN?

To learn Russian at this time is not only a linguistic problem but of crucial interest to our country. The knowledge of this language may shortly be of immense patriotic and intelligence value.

Our duty is to help our students in these worthwhile aspirations. Having a limited number of school hours we must choose an adequate method for the time we have at our disposition.

We must give to the students at first a clear comprehension of the "Structure of the Russian Language" itself in comparison with English. The basic rules of Russian grammar must be presented in a concise form illustrated with examples.

The main idea is to attract the attention, to awaken the interest and to give to the students a way for "intuitive" acceptance of the substance of the Russian speech and writing. The students must be carefully introduced and led through the labyrinth of the incredible number of details given in the ordinary text book.

The greatest aim of teaching is to give to the students "the feeling of the language." The further knowledge of words and conversation is then only a matter of practice.

Here we see it is our duty to warn our students against the use of text books whose writers, no doubt in good faith, tried to give to their readers the samples of "actual" Russian language. Instead they have given . . . the selected excerpts from Soviet Educational books. In this way, perhaps unwittingly, they are helping the promotion of Soviet ideas in the United States.

Their "exercises" being in no way the best samples of Russian literary language, popularize the communist suggestive teaching, where every sentence is designed for the glorification of the "free Soviet State" (in opposition to the "enslaved capitalistic world") and that naturally, with refined deceit. Under such "education" Soviet youth grow to believe what they are permitted to believe and remain blind to all the great forces that rescued man from slavery.

Our youth does not need such "education." The American way of education is not to deprive but to teach the greatest right of human beings—to think independently.

V. M.

A Project of the American-Russian Club in Dallas, Texas

1) THE AIM OF THE CLUB IS:

To gather together American citizens in Dallas who already speak Russian or want to learn Russian or who are interested in becoming more informed about Russia and the Russian Problem from the standpoint of the NATIONAL INTERESTS OF THE UNITED STATES.

2) THE ACTIVITIES OF THE CLUB will consist of:

- a) Arrangement of REGULAR PARTIES at which the members may practice in Russian conversation;
- b) Organization of SPECIAL MEETINGS, LECTURES and PERFORMANCES to enlarge the members' knowledge of RUSSIAN CULTURE (History, Geography, Literature, Arts, Music and National Russian Life and Traditions—before the Communist Slavery).

3) If desired by the members, the program of the Club may include:

- a) SPECIAL SHORT COURSES of RUSSIAN LANGUAGE for interested persons who want to prepare for positions as teachers in high schools or as interpreters;
- b) SPECIAL COURSES (a Series of Lectures) ABOUT THE REAL FACE OF SOVIET COMMUNISM.

4) For these purposes the Club will organize its own LIBRARY and Reading Room, with selected Russian (but not Communist) books and newspapers and better English (anti-Communist) books and magazines explaining the Russian problem and Soviet aggression.

5) This work the Club will develop in close contact with other patriotic American Formations and local authorities in Dallas and similar Organizations in the United States.

(The above was sent to us by a friend in Dallas, Texas. This man is initiating the American Russian Club, as outlined.)

ВНОСИТЕ
В ФОНД ПОМОЩИ ПРЕСТАРЕЛЫМ
50 ЦЕНТОВ В МЕСЯЦ!
ДЕЛАЙТЕ ЭТО РЕГУЛЯРНО!

В следующем (восьмом) номере «Новостей Толстовского Фонда» будет напечатана статья проф. В. Н. Ипатьева о прогрессе в нефтяной промышленности.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА.

Желая дать русским детям возможность провести предстоящее лето в здоровой и культурной обстановке, Толстовский Фонд открывает предварительную запись кандидатов на пребывание в летнем лагере, который будет организован на ферме Фонда — Reed Farm, Valley Cottage, N. Y.

Лагерь будет открыт 1-го июля и продлится до 4-го сентября. В лагерь могут быть приняты дети обоого пола в возрасте от 10-ти до 16-ти лет, включительно.

Число мест в лагере ограничено. Поэтому Толстовский Фонд просит родителей и опекунов молодежи теперь же заявить о желании отдать детей на лето в лагерь.

Предварительная запись принимается Главной Конторой Толстовского Фонда в Нью-Йорке (300 West 58th St.) и на ферме Толстовского Фонда.

При записи взимается 10 долларов с каждого кандидата на пребывание в лагере. Эта сумма будет зачислена в счет платы за пребывание в лагере, составляющей 75 долларов в месяц.

При поступлении детей в лагерь будут требоваться врачебные удостоверения о здоровье поступающих.

В лагере Толстовского Фонда дети будут обеспечены жизнью в благоустроенных палатках, хорошим питанием и опекой опытных воспитателей.

ОТЧЕТ БЕЛЬГИЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА

1-го марта 1951 года в Брюсселе открылось отделение Толстовского Фонда в Бельгии. С марта по декабрь контора выдала 339 ашурансов 835-ти эмигрантам Ди-Пи.

До 15 декабря в Соед. Штаты выехало (по ашурансам Толстовского Фонда) 48 семейств (106 человек). Ожидают отправки в ближайшем будущем 11 семейств (33 человека). Также до 15 декабря, в результате длительных хлопот, удалось отправить через другие организации в Канаду и Соед. Штаты 42 семьи (118 человек).

4 семьи (12 человек), находящиеся также на попечении Толстовского Фонда, в скором времени выедут в Южную Америку и Австралию.

560 семейств (приблизительно 1800 человек) зарегистрированы в бельгийском отделении Толстовского Фонда. Из них 540 семейств зарегистрированы для отъезда за океан, а 20 обратились за всевозможной помощью: устройство больных в санатории, детей — в детские колонии, просьбы о выдаче одежды и т. п.

Все эти цифры — результаты работы бельгийского отделения Т. Ф. за 1951 год.

ТРЕТИЙ СПИСОК ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ПРИХОДОВ ЮРИСДИКЦИИ МИТРОПОЛИТА ЛЕОНТИЯ

St. Michaels Church, 522 Jefferson Street, Pueblo, Colorado.
St. Nicholas Church, 3605 Mallory Avenue, Portland, Oregon.
St. Nicholas Church, 208 Clay Street, Joliet, Illinois.
Holy Trinity Church, 558 Lowell Avenue, Kansas City, Kansas.
St. Nicholas Church, 4304 - 17 Avenue, Kenosha, Wisconsin.
St. Mary's Church, 646 Micheltorena Street, Los Angeles, Calif.
St. Dimitrius Church, Lublin, Wisconsin.
Russian Orthodox Church, Indiana Harbor, Indiana.
St. John the Baptist Church, Huron, Wisconsin.
St. Mary's Church, R.D. No. 1, Holdingford, Minnesota.
St. Nicolas Church, Deleln Avenue, Hammond, Indiana.
St. Peter and Paul Church, P.O. Box 777, Gary, West Virginia.
St. Mary's Church, 1675 Fillmore Street, Gary, Indiana.
St. Constantin and Helen Church, 4109 Avenue L, Galveston, Texas.
Rev. Znamensky, St. Nicholas Church, 1329 Vermont Avenue, Flint, Michigan.
St. John the Baptist Church, 2020 Dwight Way, Berkeley, California.
Rev. Lebedev, St. Andre Church, 2028 E. Lombard Street, Baltimore, Maryland.
St. Peter and Paul Church, 12711 West Madison Street, Lakewood, Ohio.
St. Peter and Paul Church, 2318 East 32 Street, Lorain, Ohio.
St. Mary's Church, Marblehead, Ohio.
St. Andrew's Church, 319 Lincoln Terrace, Mingo Junction, Ohio.
St. Mary's Church, 1625 Fifth Street, N.E. Minneapolis, Minnesota.
St. Peter and Paul Church, 4038 Madison Street, N.E. Minneapolis, Minn.
Rev. Chernushin, Holy Trinity Church, Robbins, Ohio.

ТРЕТИЙ СПИСОК ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ И СОБОРОВ ПРИХОДОВ ЮРИСДИКЦИИ МИТРОПОЛИТА АНАСТАСИЯ

Russian Church, 1744 "K" Street, N.W. Washington, D. C.
Orthodox Church, 488 New Jersey Avenue, Brooklyn 7, N. Y.
Russian Church, c/o Mr. Noop, Cassville, N. J.
Russian Church, c/o Mrs. Kostruba, M.D. Anville, Pennsylvania.
Russian Home, 14 Alvin Street, Glen Cove, L. I., N. Y.
Rev. S. Selivanovsky, 15 Madison Street, Hartford, Connecticut.
The Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
Russian Church, Lakewood, N. J.
Russian Orthodox Chapel, Route 6, Lake Mahopac, N. Y.
Orthodox Cathedral, 1841 Bathgate Avenue, New York 57, N. Y.
Orthodox Church, 600 West 153 Street, New York City.
V. Rev. Adrian Novodivevo, Spring Valley, N. Y.
Rev. E. Lyslov, 527 Fairmont Avenue, Philadelphia 43, Penn.
Rev. S. Kargay, c/o Bobrov, 7 Hebron Street, Springfield, Mass.
Arch. A. Yunak, c/o Issaef, 14 Jackson Avenue, Stratford, Conn.
Russian Church, 615 Blandina Street, Utica, N. Y.
Russian Church, West Landis Avenue, R.F.D. 6, Vineland, N. J.
Russian Church, 2524 North Garrett, Dallas, Texas.
Russian Church, Rev. A. Chernay, Houston, Texas.

Редакция «Новостей» Т. Ф. благодарит всех, приславших исправления и дополнения к этим спискам и просит, если в третьем списке имеются неточности, опять прислать соответствующие поправки.

ИЗ ПОЧТОВОГО ЯЩИКА ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА

Письмо первое.

Дорогая Александра Львовна!

Ваш призыв, помещенный недавно в газетах, о доме для стариков, произвел на меня большое впечатление. Написан он так просто, сильно, убедительно, и до чего в этом нужда велика! Мне лично, как старому человеку, живущему на пенсию в 40 долл., это так понятно... Недавно получила письмо из Германии, мне пишут, что там (для Ди-Пи) выстроен дом для престарелых. Читая письмо, я представляла себе какое значение имеет Ваш призыв. Наличие того факта, что я сама престарелая (мне в апреле минет 85), хоть и сохраняющая до сих пор работоспособность, дает мне яркое представление о том, что такое старость. (Зрение, слух, ноги, память слабеют, но дух не слабеет и боль за родину также).

(К этому письму приложен взнос на престарелых с пометкой: От престарелой в фонд для престарелых. Больше не могу).

Письмо второе.

Многоуважаемая госпожа Елизавета Томашевская и все работники Толстой Фондацион!

С приветом до вас (имя и фамилия), который просит в вас извинения за то, что затянул я свой денежный долг. Я работал на фабрике и получил калесство в руку и сегодня уж мой один палец остался без действия. Из-за этого я не смог выслать свой долг и к тому имею семью из 7 душ. Мне было трудно. Сегодня я, слава Богу, опять работаю и хочу внести свой долг, который меня мучил совестью. Благодарю Вас за Вашу большую помощь, что вы мне помогли приехать в свободную и счастливую страну Америку.

С приветом до вас (подпись)
со своей семьей. До свидания!

РУССКИЙ УГОЛОК

Посвящается А. Толстой

Быстро время пролетело,
Много лет уже прошло
Скромно начатое дело
Разраслось и процвело.

И в изгнании на чужбине
Создан русский уголок,
Он, как путников в пустыне,
Манит нас на огонек.

И туда всегда охотно
Люди русские идут
И находят беззаботно
И работу и приют.

Пожелаем же сердечно,
Чтоб очаг ваш не потух,
И над ним царил бы вечно
Настоящий русский дух.

Мы бы в нем черпали силы,
Не блуждали бы во мгле,
Никогда бы не забыли
О родной своей земле.

(Эти стихи получены редакцией от бывшего Ди-Пи, прожившего некоторое время на Рид Фарм).

КАЗАХИ И ТУРКМЕНЫ В КАШМИРЕ

Как уже сообщалось в номере 6 «Новостей Толстовского Фонда», около 450 казахов и туркмен беженцев из СССР находятся в данное время в Кашмире. Женщины обучаются шитью. Мужчины работают на полях. Толстовский Фонд изыскивает средства, чтобы срочно помочь этим новым беженцам из под железного занавеса. На имя представителя Христианских Церквей на Востоке им выслано 3000 долларов.

Семья туркменов (Кашмир)
A Turki family (Kashmir)

As it was mentioned in our 6th issue, over 450 Kazakh and Turki refugees escaped from Soviet Turkestan to Srinagar in Kashmir. The Tolstoy Foundation has sent them 3,000 dollars and Alexandra Tolstoy is appealing for more help.

The men are working in the fields. The women (as we can see it in the picture at the left) are learning to sew.

They have with them some 100 children.

The number of those escapees from behind the Iron Curtain is steadily growing.

Казахские женщины в Кашмире
Kazakh Women in Kashmir

НАУЧНЫЙ РАБОТНИК В СССР

Несмотря на в общем благоприятное отношение сов. власти к научным работникам, последние все время чувствовали страх (как и большинство населения Советского Союза), так как самая их профессия, выражающаяся в изложении своих мыслей устно — в лекциях, — или письменно — в научных трудах — благоприятствовала контролю их, а значит и суждению, насколько они соответствовали принятому коммунистической партией курсу, т. е. так называемой «генеральной линии». А так как последняя, как известно, обнаруживала поразительные извивы, требуемые тактикой политического руководства и оправдываемые «диалектическим методом», то всякое, зафиксированное на бумаге слово, могло быть, по желанию власти, сочтено за искривление генеральной линии партии. Поэтому, всякий лектор, всякий автор, даже научного сочинения должен был быть чрезвычайно осторожен в своих выражениях, не говоря уже о содержании своих мыслей. Отсюда, неизбежное сужение высказываний, ограничивая себя лишь самым необходимым, тем, что безусловно, по мнению автора или лектора, является допустимым. Отсюда типичное для всей прессы такое ужасное господство штампа, трафарета, цитат из Сталина, Ленина или передовиц «Правды», в свою очередь повторяющих набившие оскомину выражения Сталина, вроде: «Головокружение от успехов», «на данном этапе» и т. д.

С другой стороны опасно было и умолчание того, что по мнению власти имущих было обязательным: например, в начале каждой научной работы, согласно неписанному закону, нужно было упомянуть имя Сталина. Когда я писал свою диссертацию на тему «Размещение мировой алюминиевой промышленности» (кстати, мною сознательно была избрана тема из области внесоветской экономической географии, так как пользоваться советской литературой было рисковано из-за возможности ссылки на книгу, автор которой мог быть потом арестован, как «вредитель» или «враг народа»). Так вот, в эту работу, где ни слова не говорилось о советской алюминиевой промышленности, мой рецензент посоветовал мне внести что-нибудь о «советских достижениях». Так как к моей теме это никак не подходило, пришлось написать краткое предисловие, в котором я и указал, что . . . в то время как у нас в СССР, благодаря тов. Сталину и решениям партии создана алюминиевая промышленность, нам не безинтересно познакомиться и с размещением соответствующей отрасли промышленности в «капиталистическом мире».

Контроль над содержанием лекций всего профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений проводился постоянно. Иногда на лекциях при-

существовал директор Института или секретарь партийного комитета, но чаще это делалось в форме стенографирования лекций без предупреждения лектора об этом. Помню, как один раз я был удивлен (и не обрадован) войдя в переполненную студентами аудиторию, когда увидел на первой скамейке, прямо против кафедры двух женщин, сидевших за специально поставленным столиком и чинивших карандаши. Так как раньше стенографирование лекций производилось главным образом у тех, которых администрация института уже в чем-то подозревала, или у тех, на которых были сделаны доносы (кстати сказать, весьма распространенное в СССР явление, объясняемое, по моему мнению, опять-таки страхом — люди старались лучше обвинить кого-нибудь другого, чем потом быть обвиненными в «приглушении бдительности», «сокрытии классового врага» и т. д.), то и это, неожиданное для меня явление, не предвещало ничего хорошего. Лекция прошла благополучно, потом стенограмма была прислана на кафедру для рецензии и обсуждения. Позже оказалось, что это было началом поголовной политической проверки всего лекторского персонала.

Контроль и критика проводились также на открытых «производственных совещаниях», где в присутствии всех студентов («явка обязательна») выступали желающие покритиковать лектора. Застрельщиком обычно бывал секретарь партийного комитета или специально им выбранное и специально подобранное лицо, которое призывало всех присутствующих высказывать свои мысли и впечатления о лекторе. Первое выступление давало тон всем последующим высказываниям: если парторг сразу резко обрушивался на критикуемое лицо, то уже нельзя было ожидать, что бы кто-нибудь выступил с положительной характеристикой. На одном из таких собраний наш парторг (т. е. партийный организатор факультета), который считал себя обязанным подозревать всех беспартийных лекторов в аполитичности, выступил с этим же обвинением и по моему адресу, в доказательство чего сообщил, что я в лекции об Якутии ни слова не сказал о том, что там был в ссылке Ленин. Это значило, по его мнению, что лекции мои аполитичны и не «насыщены партийностью», как это должно было быть. Обвинение весьма серьезное, так как в СССР аполитичность — это нечто вроде антисоветского настроения. Но, к счастью моему, Ленин был в ссылке не в Якутии, а в бывшей Иркутской губ. Я знал это, воспользовался этим и, указав на это, спас себя. Не будь этого моя «аполитичность» была бы доказана и мне, вероятно, пришлось бы переживать какие-то неприятные последствия этого. Говорить же о том, что местопребывание Ленина никакого отношения к экономической или географической характеристике того или иного района СССР не имеет, значило бы окончательно угробить себя, т. к. свидетельствовало бы о полном непонимании

мною задач преподавания в условиях СССР, где все абсолютно делается по заданию партии, через партию и для партии. Иногда подобного рода обвинения доходили до смешного: так моего коллегу обвиняли в «буржуазном национализме» за то, что в лекциях об Австралии он указывал на сравнительно с другими странами высокую заработную плату австралийского рабочего и на передовое социальное законодательство там. Дело его было поставлено для разбора на производственном совещании, лекции его разбирались на заседаниях кафедры и, конечно, всячески критиковались в стенной газете института.

Иногда дело доходило до совершенно, казалось бы, недопустимых и невозможных в нормальном государстве пределов. Так, известного профессора и ученого языковеда, читавшего лекции там-же, в педагогическом институте, стали травить за то, что в своем учебнике в качестве примера, он привел цитату из поэта Гумилева, как известно расстрелянного большевиками еще в 1921 году. Хотя это было пропущено цензурой, но придираясь к этому, по данному партийной организацией знаку, студенты стали открыто критиковать его и даже поносить его. В стенной газете института студенты, например, писали: «Этот, так называемый, ученый, белогвардеец» и т. д. — хотя этот ученый пользовался вполне заслуженной научной репутацией, никогда в белой армии не был. И ни администрация института, ни партийный комитет не останавливали эти потоки клеветы, ругани и оскорблений. Никаких опровержений или разъяснений профессора, конечно, не печатали. И профессор, не дожидаясь «организационных выводов», т. е. снятия с работы, ушел сам из института. Но . . . странная протия судьбы в Советском Союзе: через 2-3 года этот профессор был назначен академиком Украинской Академии Наук и институт, как ни в чем не бывало, пригласил его опять в качестве лектора.

Когда абсолютно никаких оснований для обвинения или для увольнения нежелательного человека не было, придумывались разные другие основания: так, меня уволили из Всеукраинского Института Народного Образования в январе 1935 г. (когда по всему СССР, в связи с убийством Кирова в декабре 1934 г. прокатилась волна чисток, увольнений, арестов и т. д.). Мотивы увольнения были сформулированы следующим образом: «тов. . . , который пребывал на территории белых в 1919 г. (я в то время служил на железной дороге, и в Белой Армии не был), уволить с должности доцента института, как необеспечивающего идеологической выдержанности преподавания.» Как будто пребывание на территории белых могло сказаться через 15 лет на идеологии преподавания! При таком отношении власти к населению понятно, что и после второй мировой войны было весьма подозрительное отношение к тем, кто оставался на территории, оккупированной немцами.

Чрезвычайно тяжелое моральное чувство приходилось переживать, присутствуя на общих собраниях, посвящаемых какому-нибудь новому постановлению партии и правительства, которое мы должны были «одобрять». Кроме штампованных фраз о «мудром» решении и о «всемерной поддержке» ничего, конечно, говорить нельзя было, даже, если речь шла о новом нажиме на трудящихся, о новом ограничении в правах граждан СССР, о расстреле участников вновь раскрытого «заговора» против власти «по заданиям иностранной разведки» и т. д. Голосование проводилось как обычно единогласно, так как каждый из нас боялся даже показать свое несогласие или несочувствие принимаемому постановлению. Поднимая руку «за», каждый презирал самого себя, но страх за свою жизнь, за возможность «свободного» существования был сильнее, а после такого собрания долго оставался горький осадок, как после сделанного нехорошего дела, чувство стыда и неуважения к самому себе.

Т.

(Английский текст этой статьи был помещен в номере 6 «Новостей Т. Ф.»).

ФОНД ПОМОЩИ ПРЕСТАРЕЛЫМ

В начале марта сего года Александра Львовна Толстая обратилась с призывом к русским людям жертвовать в Фонд Помощи Престарелым, учрежденном при Толстовском Фонде. По приблизительному подсчету, если каждый работающий будет давать в месяц всего пятьдесят центов, выходило, что можно собрать большую сумму денег, на которую легко было бы открыть не один, но несколько домов для русских стариков. На призыв А. Л. Толстой Толстовский Фонд получил много откликов, но недостаточно! Сотни людей, присылая по несколько взносов, обещали делать это регулярно, сотни других сочувственно отзывались о проекте. Но нужны не сотни, нужны тысячи и даже десятки тысяч полтинников, чтобы открыть первый дом для престарелых. Поэтому, напоминая вновь о том, что нужда среди наших стариков очень остра и будет делаться со временем все острее, мы просим всех, кто имеет регулярный заработок, начать свои взносы — полтинник в месяц, — которые можно присылать без того, чтобы терять время на почте, прямо в конверте. Адрес: Фонд Помощи Престарелым. Толстовский Фонд, 300 West 58th St., New York City.

В добавление отмечаем, что отклики получились не только от дающих, но и от тех, кто мечтает в будущем стать кандидатом в дом для стариков. Одинокие, старые люди ждут, когда у них будет теплый угол, где бы они могли провести остаток своих дней. Не забывайте о них! Одна мысль, что для них делается что-то, что о них помнят, дает им силы жить и надеяться.

Жертвуйте в Фонд Помощи Престарелым!

ТОЛСТОВСКИМ ФОНДОМ РАЗЫСКИВАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Любовь Федоровна Столбина, инженер-строитель из Мюнхена, в США 2 года тому назад.
2. Виктор Иванович Маиоров, 50 лет, из г. Вязники, Владимирской губернии. Из России с армией ген. Врангеля; в 1925 году в Сербии.
3. Онуфрий Кабыльчук, Савва Кушнурук, Павел Фабинюк, Кузьма Бугрм, Онуфрий Мормолюк из с. Лагоденцы, Кульчинской волости, Волынской губ.; в 1911 г. в США.
4. Антон и Михаил Бабей, из г. Кавуш, с. Мостинич; в США до революции.
5. Григорий Сергеевич Тупогуз, 50 лет, из с. Кучен, Донской области. Приехал в США летом 1950 г.
6. Анатолий Иванович Челнавский, 35 лет, из Москвы, в США перед второй мировой войной, и Нина Долдаренко, работавшую в Мюнхене в ИРО и учащуюся в США в колледже.
7. Василий Никитович Новожилов, Иван Лаврентьевич, Александра Евграфовна Алексеевы, Георгий Степанович Кулинич, 34 лет, Пелагея Викторовна Гольцова, из Шанхая в США.
8. Василий Петрович Ратнев, 50 лет, в 1944 году из Белграда, Югославия, в Германию, а оттуда в США.
9. Федор Швецов, из стан. Разстеватской, Кубань. В 1920 г. из России в Болгарию, затем в Чехию, а оттуда в 1930 г. в США.
10. Николай и Михаил Лалош, 50 лет, из России в 1926 г. в Болгарию и Константинополь, а затем в США.
11. Антон Гудков, из ст. Мелиховой, Донской области.
12. Гертруда Гольдбаум, 52 лет, из Терезии, Чехословакии, в 1941 г. в Ригу.
13. Сергей Иванович Максимович, из д. Адамовка, Изюмского у., Харьковской губ. В 1920 г. в Новороссийске.
14. Яков Петрович Шаповалов, из с. Журжанцы, Киевской губ., в США в 1927 году, переписывался с родными в России.
15. Георгий Анатольевич Зигер-Корн, 42 лет, из Петербурга. Окончил в Югославии Академию Художеств. В апреле 1945 года в Австрии, в мае 1945 года в Италии.
16. Наталья Александровна Зотова, урожд. Шумкова, 50 лет. Из хут. Малый Мичитной, Донской области, из Зальцбурга в США как ДП.
17. Наталья Григорьевна, вышедшая замуж за американского солдата, выехала из Нюрнберга, Германия, в США в 1948-50 гг.
18. Инженер-агроном Романов и его жена Эльза. В 1920 году из Крыма в Чехию, оттуда в 1928 году в США, где живет в своем доме в окрестностях Нью-Йорка.
19. Михаил Владимирович Каско, 55 лет, из Гродненской губ., гор. Пружаны, в 1927 году жил в Алтон, где имел свой отель.
20. Владимир Кузьмич Король, родившийся 6-го декабря 1925 г. в Скопсе, Югославии. Оттуда в 1943 г. вывезен на работу в Германию. Был в Мюнхене в 1946 году.
21. Бланко, Роксана, Олег Мордвин-Щедро, до 1939 года в Париже, потом в США.
22. Владимир Васильевич Суриков, из Берхтесгадена, Германия, в США, как ДП.
23. Хуанита Никольсон, в 1936-7 г. в Напа, Калифорния, имела свою ферму. Сын Джек — член Международного Общества «Дружбы».
24. Василий Степанович Юшков, из Кургана, Тобольской губ., в США в 1903 г. Женат на американке. Имеет сына Эдуарда и дочь Эни.
25. Александр Михайлович Манус (Манусевич), 50 лет, из м. Мста, под Петербургом. Из России в США в 1920 г., в 1933 г. приезжал в Москву на несколько дней.
26. Герасим Степанович Коновалов, жил в Нью-Йорке в 1921 г. в 389 Ист 10 Стрит, из ст. Мигулинской, хутор Мишков.
27. Владимир Соколов-Курганский, 26 лет, из Югославии в Германию, оттуда, вероятно, в США.
28. Екатерина Васильевна Иванова, из Могилева, Белоруссия, в США в 1915 году.
29. Прасковья Даниловна и Михаил Аверьянович Альбовицкие, в США с 1919-22 годов.
30. Эмилия Пауль, 55 лет, из ст. Гульквичи, Кубань, в США в 1912 году.
31. Братья Иван и Георгий Быковские, из Кременца, на Волыни, в Германию, оттуда в США.
32. Анна Каукитис, 50 лет, из Великих Лук, в США после первой мировой войны.
33. Фурсов, Лев Георгиевич, в США с 1925 г.
34. Онофренко, Николай.
35. Шиппе, Александр, в США с 1920 г.
36. Дехтярева, Евгения, проживала во Франции.
37. Тимченко, Макс, из Чехословакии в Нью-Йорк в 1922 г.
38. Бушлин, Иосиф Иванович, из Германии в США в 1949 г.
39. Трыч, Мария, из Австрии в США в 1949 г.
40. Доктор Рославлев, Василий — давно проживает в США.
41. Николенько, Иван Захарович, из станицы Кареновской, Кубанской области.
42. Климов, Михаил и Константин Ивановичи, уроженцы Кубани.
43. Бердицкий, из Харбина в Сан-Франциско в 1921 г.
44. Максимова, жена доктора, из Харбина в Сан-Франциско в 1921 году.
45. Доменик, Николай, из гор. Сум, Харьковской губ.
46. Суриков, из Германии в Нью-Йорк, бывший ДП.
47. Романов, инженер-агроном, из Чехословакии в США в 1928 г.
48. Насеник, Владислав Гордеевич, род. в 1926 г.
49. Набоков, Алексей, в США в 1921 году.
50. Бастырева, Валентина Алексеевна, в США с 1921 г.
51. Ободовский, Алексей, в США с 1921 г.
52. Альбовица, Прасковья Даниловна, урожд. Литкевич, проживает в США.
53. Максимович, Сергей Иванович, из Харьковской губ.
54. Хвостова, Прасковья, из станицы Бесстрашная, Кубань, в США.
55. Чеснаков, Федор Данилович, станицы Баталпашинск, Кубань, в США.
56. Медведев, Сергей Михайлович, юрист, в США с 1925 г.
57. Макеев, Владимир, 28 лет.
58. Павловский, офицер 15-ой артиллерийской бригады, в США с 1925 года.
59. Царенко, Павел и Вера, проживали в Калифорнии.
60. Кулакова, Марья Харлампьевна, иркутская казачка, в США из Харбина в 1922 г.
61. Собров, Иван Рафаилович и Ксения Семеновна, в Спрингфилд, Масс.
62. Палашук, Акимья Даниловна, урожд. Ковальчик, муж Тихон Семенович, с. Картелис, Ковельского уезда, Волынской губ., в США с 1912 г.
63. Смоков, Василий Гаврилович, с. Ширликитай, Бессарабской губ., в США с 1912 г.
64. Киема, Евгения Викторовна (первым браком Пашкевич).
65. Дижевская, Татьяна Николаевна, урожд. Бах, из Германии в США в 1948 г.
66. Юдынак, Устинья, урожд. Кобко. Проживала в Нью-Йорке.
67. Пацюк, Даниил Савич, д. Плехановка, возле Белой Церкви, Киевской губ. Выехал в США в 1912 г.
68. Гетман, Гавриил Николаевич, Кубань, родился в 1917 году.
69. Новосилов, Василий Никитич с женой Анной. Жили в Шанхае.

THE T. F. NEWS

A Monthly Bulletin of the
Work of the Tolstoy Foundation

1 copy\$.25
Subscription, 6 issues 1.40
Subscription, 12 issues 2.75

In Europe — one copy — 10¢ U. S. currency.

Money may be sent by check or money order to:

THE NEWS, Tolstoy Foundation,
300 West 58th St., New York

* * *

Address of Tolstoy Foundation's Resettlement Center:

REED FARM, Valley Cottage, N. Y.
Tel. COngers 8-6140

Tolstoy Foundation, main office:

300 West 58th St., New York

assurances, search, employment, counseling.

Hours of Reception:

Monday, Tuesday, Wednesday: 10-12 and 2-4
Saturday: 9 - 12

ОТДЕЛЫ ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

TOLSTOY FOUNDATION BRANCHES IN THE U. S. A.

CHICAGO

Mrs. Lester Armour, 120 South LaSalle Street, Chicago
90, Ill.

DETROIT

Mrs. A. Trilevsky, 3526 Montclair, Detroit, Mich.

NEW HAVEN, CONN.

Mr. Walter Kwit, 352 West Rock Ave., New Haven,
Conn.

SAN FRANCISCO

Mrs. Dora Pallisen, 320 Market Street, San Francisco,
Calif.

WASHINGTON, D. C.

Mrs. Irene Mishtowt, 3029 Rodman St., Washington,
D. C.

EUROPEAN REPRESENTATIVE

Mrs. Tatiana Schaufuss, Pinzenauer strasse 15,
Munchen 27, Germany.

FRANCE

Mme. Tatiana Lvoff-Tolstoy, 7 rue Auber, Paris 9.

BELGIUM

Mme. Helene Wittouck, 4 rue Paul Emile Janson,
Bruxelles.

ENGLAND

Mrs. Sophie Botcharsky, 63 Egerton Gardens, London
SW 3.

SWITZERLAND

Mme. Irene Ceresole, 19 Villamont, Lausanne.

ITALY

Conte George Orloff-Denissoff, Circonvallazione Clo-
dia 36a, Roma.

SWEDEN

Herr A. Zinoviev, Grev Magnigatan 17, B3, Stockholm.

FOREIGN ASSOCIATES

The Tolstoy Foundation Inc. of Canada.
1849 Sherbrook street, East, Apt. 2, Montreal 24, P.Q.

ПЕРЕВОЗКА

пассажиров, багажа и вещей
местная и загородная
на любом расстоянии
ПО НИЗКОЙ РАСЦЕНКЕ

Отправка и доставка багажа со всех жел. дор., автобусных
станций и пристаней.

Звонить от 6 до 10 утра и от 6 до 10 веч.

M. Shulgin Transportation

2066 Anthony Avenue, New York 57, N. Y.

Tel.: CYpress 9-7879

ВНИМАНИЮ ДИ-ПИ

Новоприбывшие Ди-Пи, интересующиеся страхованием жиз-
ни, болезней, госпитального, операционного и пр. видов стра-
хований могут получить БЕСПЛАТНО разъяснения и справки
обращаясь лично к

АЛЕКСЕЮ ИВ. ЧЕРНОВУ

по адресу:

A. CHERNOFF, Distr. Manag.

60 E. 42nd St., Room 420, New York 17, N. Y.

(от 11 утра до 4-х дня)

Телефоны: днем — MU 2-1630, вече-ром — WA 6-6205.

Слушайте русско-американскую радио-программу со станции WWRL (1600 килоциклов) по субботам и воскресеньям в 9 часов утра. Музыка и информация. Диктор — Сергей Орловский.

Tune in and listen to the Russian-American Program on Radio Station WWRL, 1600 Kilocycles on Saturday and Sunday, 9:00 A.M., featuring Serge Orlovsky. Entertaining and informative.

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
Г. С. АГАДЖАНЫН
305 LEXINGTON AVENUE
(Между 37-й и 38-й ул.)

Телефон: MU. 3 — 4232

Прием ежедневно от 11 до 1 ч. и от 5 до 7 веч.
В воскресенье от 11 до 1 часа дня

ВЫШЛИ В СВЕТ:

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» книга 28 (Нью-Йорк)
«НА РУБЕЖЕ» номер 2 (Париж)
«НАРОДНАЯ ПРАВДА» номер 1 (Нью-Йорк)
«САТИРИКОН» номер 9 (Франкфурт)
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» № 3
(Нью-Йорк — Париж)
«THE RUSSIAN REVIEW» No. 2 April (U.S.A.)

ПРИСЫЛАЙТЕ СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ НА РИД ФАРМ!

Просьба ко всем, читающим русские газеты, отсы-
дать их после прочтения на Толстовскую ферму.

Оттуда их будут пересылать в лагеря Германии, Ав-
стрии и Италии, где нужда в русском печатном слове
очень велика.

При сем прилагаю ☐ 1 доллар 40 ц. за 6 номеров
☐ 2 доллара 75 ц. за 12 номеров
☐ моней ордер ☐ чек

Имя и адрес:

I herewith wish to subscribe to the "T. F. News."

Enclosed please find:

☐ \$1.40 - - - 6 issues
☐ \$2.75 - - - 12 issues
☐ money order ☐ check.

Name

Address

T. F. NEWS

300 West 58th St.,

New York, N. Y.